

Т.И.Кошелева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Гуманитарный институт НовГУ

The specificity of functioning of case texts in a religious (orthodox) discourse are analysed in this article. The basic mechanisms of intertextuality in texts of divine service, dogmatic, sermonlike and religious-household character are described.

Изучение интертекстуальных связей в текстах связано с проблемой обнаружения смысла речевого произведения, являющейся одной из главных проблем лингвистики. Интертекстуальность есть феномен, без учета которого понимание смысла зачастую оказывается невозможным. Кроме того, изучение следов присутствия наиболее значительных текстов прошлого в произведениях современности способствует выявлению закономерностей трансляции культуры от поколения к поколению.

Сфера определенной общественной деятельности, связанная с ней форма сознания и особенности вербализации опыта мышления, несомненно, оказывают влияние на степень присутствия в речевых произведениях интертекстуальных связей. Одной из областей, где эти связи представлены во всем разнообразии, является религиозный (православный) дискурс.

В лингвистической литературе последних лет уже предпринимаются попытки изучать «язык верующих». Представляя все языковые явления, связанные с религиозной сферой, некоей единой коммуникативной системой (подсистемой), исследователи по-разному определяют ее: религиозный язык, религиозный дискурс, церковно-религиозный стиль, религиозное употребление языка и т. п. Люди, исповедующие одну религию, в данном случае православные христиане, представляют собой определенную социальную группу, характеризующуюся особенностями мышления и поведения, в том числе и речевого.

Если рассматривать религиозный (православный) дискурс как динамический процесс языковой деятельности в социальном (религиозном) контексте, как «речь, погруженную в жизнь» [1], есть все основания выделить в нем несколько «слоев», в совокупности образующих некое пространство реализации специфических для религиозной языковой личности форм речевого поведения: церковно-богослужебный, церковно-научный (догматический), проповеднический, религиозно-бытовой.

Церковно-богослужебный слой представлен теми текстами, которые используются в православном богослужении: прежде всего Священное Писание (Библия) и тексты гимнографические (Цветная и Постная Триодь, Минея, Октоих и т. д.). Используются на церковнославянском языке.

Церковно-научный (догматический) слой составляют труды отцов и учителей Церкви, в которых излагаются догматы христианского вероучения. Сюда относятся и герменевтические творения: толкования

библейских текстов. Используются в основном в русском переводе.

Проповеднический слой представляют проповеди, поучения, слова, беседы (гомилии). Созданы на русском языке или используются в русском переводе. Существуют в устной и письменной форме.

К *религиозно-бытовому* слою отнесем общение между христианами, которое даже на бытовом уровне будет отражать особенности христианского отношения к жизни. Оно представлено в основном устной формой речи (иногда зафиксированной, если речь идет о письмах).

Любой дискурс «обращен к ментальным процессам участников коммуникации» [2], к социокультурным и ценностным ориентирам языковой личности. Для православных христиан несомненным ориентиром, духовной основой и стержнем ментального и речевого поведения является Библия. Именно в ней содержится основное христианское учение, все сферы жизни христиан подчинены этому учению. «С Библией сверяй все свои мысли, дела, слова» [3]. Этот факт предопределяет основную направленность всех остальных текстов христианской сферы — интертекстуальную связь с «Книгой книг». Библия служит «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [4]. Но не только непосредственно Библия выступает как прецедентный текст в религиозном дискурсе. Частотны, как показывает анализ, случаи обращения к наиболее значимым текстам гимнографических жанров: тропарям, кондакам и пр., к известным творениям святых отцов. Однако такие прецедентные тексты часто сами являются аллюзивными ссылками на Библию, порожденными символикой, образностью и самим смысловым содержанием Священного Писания.

Во всех слоях религиозного дискурса интертекстуальность выражается прежде всего в явных полных цитатах. Это довольно распространенный способ обращения к прецедентному тексту. Наиболее часто такой тип интертекстуальности встречается в церковно-научной и проповеднической текстовых сферах. Это объясняется общей направленностью таких текстов: разъяснить Священное Писание, указать на наиболее важные для жизни христианина примеры, содержащиеся в нем.

«Посему и блаженный Павел, действительно убеждая, говорит: отцы, воспитывайте чада в наказании и учении Господни (Еф. VI, 4)» [5].

«...Ныне чтенный Апостол говорит: погребен бысть, и воста в третий день по писанием (I Кор. 15, 4)» [6].

Цитаты из Библии в письменной речи всегда сопровождаются ссылками, это можно сказать, христианский этикет цитации. А вот цитаты из гимнографических текстов могут и не содержать ссылки, особенно если это цитаты известные.

«Как же не радоваться и веселиться нам в день Пасхи: сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь» [7]. Данный интекст представляет собой пасхальный прокимен — структурный элемент пасхального богослужения, который буквально «на слуху» у верующих. Кстати, данный пример иллюстрирует довольно распространенный случай интертекстуальности: в тексте реализуется цитата из богослужебного жанра, которая в свою очередь сама является цитатой из Библии (в данном случае Псалтири).

Достаточно часто встречается цитация и в религиозно-бытовом общении:

«Вспомни, в Евангелии сказано: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше» (из устной речи).

«Дивна дела Твоя, Господи! — только и остается, что удивляться Божией милостью и благодарить Бога за все (из частного письма).

Церковно-богослужебный свод текстов, в частности гимнография, полные цитаты тоже содержит: в структуре православного богослужения они представлены, например, в так называемых прокимнах и аллилуариях, составленных из стихов Ветхого Завета (в частности Псалтири).

«Господь воцарися, в лепоту облечеса» (прокимен субботней вечерни, представляющий собой цитату из 92-го псалма).

Читаемые во время богослужения отрывки из Евангелия, Деяний и Посланий апостольских, «паремии» (отрывки из ветхозаветных текстов), а также песнопения, составленные из ветхозаветных стихов: антифоны, хвалитны и т. п., тоже надо рассматривать как интексты, включенные в контекст совершаемого богослужения.

Отличие таких интертекстуальных включений от вышеприведенных в том, что они не имеют вводящих слов (также и соответствующих ссылок), а используются как самостоятельные единицы в структуре основных видов богослужения. «Узнавание» их участниками богослужения позволяют отнести их на уровне восприятия к прецедентным текстам. Такие ветхозаветные вкрапления в текстовую ткань православного богослужения призваны указывать на преемственную связь Нового Завета с Ветхим, празднуемого события — с евангельского повествованием.

В самом тексте Библии также встречается полная цитация: более поздние книги содержат ссылки на ранние тексты. Так, в текстах Евангелий немало цитат из Ветхого Завета.

«... Аще Сын еси Божий, верзися долу. Писано бо есть: яко ангелом Своим заповесть о тебе сохрании тя» (Лк. 4: 9-11) — цитата из известного всем христианам 90-го псалма. Включенные в основной текст, такие цитаты не имеют точных ссылок на первоисточник, они вводятся словами *писано, сказано в писании, по слову пророка* и т. п., что само по себе указывает на Священное Писание как на их источник.

Кроме цитат полных и явных часто в религиозных текстах используются редуцированные и скрытые цитаты, т. е. приводится фрагмент текста-источника, который логически вписывается в новый текст.

«Трубы Ангельския возгласят тогда, и мертвии о Христе первые воскреснут (I Солун. 4,16)» [8] — редуцированная цитата из 1-го Послания апостола Павла к Солунянам.

«Если мы имеем повеление неусыпно заботиться о душах их, яко слово воздати хотяще (Еф. VI, 4), тем более — отец, который родил сына и воспитал...» [9] — введенная в структуру нового текста частичная цитата из Послания апостола Павла Ефессянам.

«Апостольский глас припевающе, согласно возопиим: явися благодать Божия, спасительная всем человеком» (стихира из службы праздника Богоявления) — введенная в новый контекст цитата из Деяний апостолов.

«Надо благодарить Бога за все: без Господа не можем творити ничесозже» (из частного письма) — редуцированная цитата из Евангелия.

«Основой жизни миллионов русских людей стала вера в Господа, воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечившася» [10] — частичное цитирование Символа веры (краткого изложения православного вероисповедания).

Как видно из примеров, более известные цитаты отсылкой к первоисточнику не сопровождаются.

Наиболее интересным (и гораздо более частотным в религиозном дискурсе) является несколько иное, нежели полная или редуцированная цитация, проявление интертекстуальности: рождение нового смысла в тексте путем введения «прецедентного образа». Чаще всего прецедентные образы используются в церковно-богослужебных (гимнографических) текстах. Это можно объяснить спецификой гимнографических жанров. Богослужебные тексты — это церковная поэзия, которая наряду с поучениями святых отцов и учителей Церкви призвана к назиданию и просвещению, но только несколькими иными — поэтическими — средствами. Не точная цитата (которая в силу особенностей синтагматики и большого объема может и «не вмещаться» в ритмически организованный текст), а лишь намек, прикосновение к известному библейскому образу, аллюзия создают подчас гораздо больший эффект. Такая имплицитная отсылка к иному тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте).

«Фарисеева убежим высокоглаголения, и мытареве научимся высоте глагол смиренных» (кондак Недели мытаря и фарисея) — напоминание о фарисее и мытаре как образах известной евангельской притчи.

«Вразуми мя, Господи, яко Фому, вопити тебе: Господь мой и Бог мой» (стихиры службы в Неделю Фомину) — отсылка к описанному в Евангелии от Иоанна «уверению апостола Фомы».

«Помилуй мя, Господи, Адама изгнанного...» (стихиры службы в Неделю сыропустную) — напоминание об изгнании Адама из Рая.

Метафоры и аналогии с использованием библейских антропонимов в таких текстах призваны активизировать информацию о ситуациях, связанных с этими образами, и интерпретировать ее применительно к новому контексту.

Так же часто, как антропонимы, используются в гимнографических текстах прецедентные топонимы.

«Осени нас, Душе Святой, в храме, яко на Сионе, ждущих Тя...» (седален службы в Неделю Пятидесятницы) — намек на Сионскую горницу, где на апостолов в пятидесятый день после Христова Воскресения сошел Святой Дух.

«Едемского блаженства отлучихся, окаянный аз» (стихиры службы Недели сыропустной) — отсылка к библейскому повествованию о жизни прародителей в Едеме.

Напоминание об определенной ситуации, описанной в Библии, — еще один тип прецедентного текста.

«Отеческого дара расточив богатство, взываю со слезами: прими мя и спаси мя» (стихиры службы в Неделю блудного сына) — аллюзия на притчу о блудном сыне, растратившем в далекой стране наследство, полученное от отца.

«Миро принесу Ти, Христе, яко жены, яви мне Воскресение Твое» (икос в Неделю жен мироносиц) — напоминание о женах-мироносицах, шедших ко гробу Христа на третий день с ароматами (миром) помазать тело Учителя и первыми узнавших о воскресении Христа.

Прецедентные ситуации в новом тексте соотносятся с новыми условиями, представляются как актуальные в момент речи применительно к говорящему.

Кстати, многие названия праздников и памятных дней церковного календаря (*Неделя мытаря и фарисея, Неделя блудного сына, Неделя Фомина, Воспоминание Адамова изгнания*) тоже нужно рассматривать как прецедентные тексты. В этом отношении православный календарь — ценнейший материал для исследования интертекстуальных связей.

Ярчайшим примером богослужебного текста, изобилующего интертекстуальными связями, служит читаемый в Великом посту покаянный Великий Канон святого Андрея Критского. Созданный на греческом языке, он используется Русской Православной Церковью в церковнославянском и русском переводах. Сам гимнографический жанр канона подразумевает использование прецедентных текстов: это чинопоследование, состоящее из девяти частей («песней»), каждая из которых в свою очередь делится на *ирмос* (зачин) и несколько *тропарей*. Ирмос (греч. «связь», «сплетение») своим содержанием увязывает тему тропарей с темами ветхозаветных текстов — так называемых *библейских песен*, а сами тропари рассказывают о том событии, которому посвящен весь ход богослужения. В Великом Каноне св. Андрея Критского не только ирмосы, но и все тропари содержат интертекстуальные включения. Великие библейские образы: Адам и Ева, Ной, Давид, Соломон и проч. —

переплетены в текстах тропарей Канона с темой раскаяния, естественной для времени Великого поста. События Священной Истории явлены в Каноне как события жизни каждого христианина, трагедия греха и измены — как личная трагедия читающего Канон. И наоборот, жизнь каждого человека показана как часть истории человечества, описанной в Книге книг. Обилие образов делает Великий Канон достаточно трудным для понимания, поэтому изложение его часто сопровождается толкованием. Думается, что интертекстуальные связи Великого Покаянного Канона должны являться предметом отдельного исследования.

Догматические, проповеднические и религиозно-бытовые тексты тоже изобилуют аллюзивными ссылками.

«Услышим и мы первые слова Воскресшего: *Радуйтесь!*» (из устной священнической проповеди в Неделю жен мироносиц) — аллюзивная ссылка на события Воскресения Христова.

«Все мы змеем искушаемы» (из устной речи) — отсылка к библейскому повествованию о первородном грехе.

В текстах проповеднического и просветительского характера довольно часто функцию прецедентного текста выполняет заглавие или название печатного издания: журнал «*Фома*», газета «*Ковчег*», журнал «*Неопалимая Купина*», «*О пришедших в одиннадцатый час*», «*Поправим свои светильники*».

Таким образом, все слои религиозного (православного) дискурса просто пронизаны интертекстуальными включениями. Восприятие текстов с такой высокой степенью прецедентной плотности требует от участников религиозной коммуникации определенной компетенции, которая достигается серьезным обращением к основам православного вероисповедания, к постоянному (а не одноразовому) чтению Священного Писания и его толкования отцами Церкви. Активизация содержания претекста, осмысление его в новом контексте способствует развитию ментальных структур понимания, а также ценностно-ориентированного поведения, в том числе и речевого.

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.137.
2. Там же.
3. Прот. Сергей Белоголовцев // Православная беседа. 1994. №4. С.27.
4. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998. С.148.
5. Св. Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений в 12 т. Т.1. М., 1991. С.87.
6. Творения Св. Отца нашего Кирилла, архиеп. Иерусалимского. Изд. Австралийско-Новозеландской епархии РПЗЦ, 1991. (Репринт изд. 1900 г.). С.204.
7. «Свеча». Газета воскресной школы Софийского собора Великого Новгорода. № 2 (52) 2008 г.
8. Творения Св. Отца нашего Кирилла, архиеп. Иерусалимского. С.237.
9. Св. Иоанн Златоуст. Т.1. С.88.
10. Православная беседа. 1995. № 3. С.4.